

ПРАВИТЕЛИ ФРАНЦИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ БРИТАНСКОГО ВЫЗОВА

Л. А. Пименова

В XVIII в. Англия одновременно притягивала и отталкивала французов. С одной стороны, это был образец для подражания: богатая, процветающая и могущественная страна, граждане которой установили политическую свободу «посредством своих законов»¹. С другой — враждебная держава, главный и успешный соперник Франции на международной арене².

Семилетняя война обострила эти противоречивые чувства. Ее последствием стал не только подъем национализма и англофобии³, но и рождение «нового французского патриотизма», основанного на принципах национального суверенитета и общественного договора. Английский историк Эдуард Гиббон, приехавший во Францию сразу после Семилетней войны, усмотрел прямую связь между британской военной мощью и распространившейся во французском обществе англоманией: «По окончании победоносной войны имя англичанина уважали на континенте [...]. Во Франции переняли все: наши мнения,

Людмила Александровна Пименова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

¹ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. Кн.11. Гл.VI. О государственном устройстве Англии; Кн.20. Гл.VII. Торговый дух Англии // *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М., 1955. С.290–300, 437.

² См.: *Acomb F.* Anglophobia in France, 1763–1789: An Essay in the History of Constitutionalism and Nationalism. Durham, N.C., 1950; *Crouzet F.* De la supériorité de l'Angleterre sur la France: L'économique et l'imaginaire, XVIIe-XVIIIe siècles. P., 1985; *Grieder J.* Anglomania in France, 1740–1789: Fact, Fiction and Political Discourse. Geneva, 1985; *Black J.* Natural and Necessary Enemies: Anglo-French Relations in the Eighteenth Century. L., 1986.

³ См.: *Palmer R.R.* The National Idea in France before the Revolution // *Journal of the History of Ideas*. 1940. Vol.1. N 1; *Bell D.* The Cult of the Nation in France. Inventing the Nationalism, 1680–1800. Cambridge, 2001.

наши моды и даже наши игры; на каждого из наших соотечественников падал луч национальной славы, и считалось, что каждый англичанин рождается патриотом и философом»⁴.

Известно то яркое описание англomanии, охватившей французский высший свет в конце Старого порядка, которое оставил в своих мемуарах Луи-Филипп, граф де Сегюр: «Что еще больше возбуждало наше живое нетерпение, так это сравнение нашего нынешнего положения с положением англичан. Монтескье открыл нам глаза на преимущества британских институтов; сношения между двумя народами стали гораздо более частыми; блестящая и фривольная жизнь нашего дворянства, при дворе и в городе, не могла больше удовлетворять наше самолюбие, когда мы думали о достоинстве, о независимости, о важном и полезном существовании английского пэра или члена Палаты общин и о свободе, одновременно спокойной и гордой, всех граждан Великобритании. И я всегда удивлялся, что наше правительство и наши государственные мужи, вместо того чтобы порицать внезапно распространившуюся во Франции фривольную, безумную и нефранцузскую страсть к английским модам, не усмотрели в ней ни стремления к имитации другого рода, ни истоков великой революции в умах [...]. Они не видели, что фраки, заменившие просторные и величественные одежды старого двора, предвещали всеобщую склонность к равенству [...]. Правда, несколько старых господ порицали эту манию, но лишь потому, что она была новой. Только добрый король Людовик XVI открыто осуждал ее, но не как проявление опасных новшеств, а как смешную и скандальную роскошь, как унижительное предпочтение, отдаваемое обычаям чужой страны перед своими»⁵. Разумеется, эти выразительные строки насквозь проникнуты опытом недавно совершившейся революции, и пристрастие ко всему английскому равнозначно для Сегюра бездумному увлечению идеями свободы и равенства. Но если отвлечься от оценочных суждений Сегюра, то следует признать, что сообщаемые им факты действительно имели место.

Влияние Семилетней войны и ее результатов на политическую культуру Франции неоднократно становилось предметом исследования. Интерес историков вызывало, главным образом, то, каким образом рост британского могущества усиливал во Франции недовольство абсолютной монархией и способствовал рождению идеи нации, по-

⁴ *Gibbon E. Mémoires d'Edward Gibbon. P., 1992. P.179–180.*

⁵ *Ségur L. Ph., comte de. Mémoires ou Souvenirs et anecdotes. P., 1826. T.1. P.150–154.*

нимаемой как сообщество граждан, свободных и равных в правах⁶. То есть в центре внимание исследователей оказывалась преимущественно оппозиция. Вместе с тем, и правящая элита французской монархии осознавала и по-своему интерпретировала новую расстановку сил в Европе, и ее политическая культура тоже испытывала влияние этой новой ситуации. Восприятие правителями Франции своего главного внешнеполитического соперника и взаимоотношений с ним на исходе Старого порядка и является темой настоящей статьи.

Здесь кроются, по крайней мере, две проблемы. Во-первых, общеизвестен тот интерес, который последний монарх дореволюционной Франции Людовик XVI — несмотря на его отмеченную Сегюром нелюбовь к английским модам — проявлял к английской культуре и истории с самых юных лет вплоть до конца жизни. В то же время, Великобритания стала единственной державой, которой этот миролюбивый монарх объявил войну. Чем был вызван его живейший интерес к этой стране? Следует ли его расценивать как стремление изучить потенциального противника, с тем чтобы лучше подготовиться к будущему столкновению? Или же Людовик, как считают некоторые историки⁷, испытывал по отношению к Англии противоречивую любовь-ненависть?

Во-вторых, Людовика XVI принято упрекать в нерешительности. Но все же следует признать, что за годы своего правления он принял ряд смелых и решительных мер. Одной из них стала открытая поддержка восставших американских колоний и объявление войны Великобритании в начале 1778 г. В историографии существует мнение, что ответственность за это решение целиком ложится на государственного секретаря иностранных дел Шарля Гравье, графа де Верженна. С самого своего прихода на этот высокий государственный пост в 1774 г. Верженн вынашивал планы реванша. У него была сеть информаторов в Лондоне. Начавшееся восстание в североамериканских колониях давало, с его точки зрения, Франции шанс взять верх над соперником. После опалы генерального контролера финансов Анна-Робера-Жака Тюрго, препятствовавшего французскому вмешательству в американские дела, Верженн начал тайно оказывать повстанцам помощь боеприпасами и деньгами. Наконец, он пообещал Соединенным Штатам

⁶ См.: *Bell D.* Lawyers and Citizens: the Making of a Political Elite in Old Regime France. N.-Y., Oxford, 1994; *Idem.* The Cult of the Nation in France; *Dziembowski E.* Un nouveau patriotisme français, 1750–1770. La France face à la puissance anglaise à l'époque de la guerre de Sept Ans. Oxford, 1998.

⁷ См.: *Louis XVI and the comte de Vergennes: correspondence, 1774–1787/Ed. by J. Hardman and M. Price.* Oxford, 1998. P.88–90.

Америки официальное признание и сыграл решающую роль в заключении союза с ними в начале 1778 г.: «Не может быть никаких сомнений в том, что именно Верженн и никто другой заставил Францию стать союзницей инсургентов и связал воедино два дела: реванш над Англией и американскую независимость»⁸. Но какова же была роль короля? Являлось ли принятое им решение вступить в войну на стороне повстанцев самостоятельным, ответственным шагом зрелого политика или уступкой слабого короля давлению со стороны жаждавших реванша любой ценой советников, в первую очередь, Верженна? И представлял ли себе Людовик в тот момент возможные последствия своего решения?

Основным источником для поиска ответов на эти вопросы послужила переписка Людовика XVI с Верженном, опубликованная Джоном Хардманом и Манро Прайсом⁹. Переписка содержит богатую информацию об обстоятельствах участия Франции в Войне за независимость североамериканских колоний и, в особенности, проливает новый свет на персональную роль короля в этих событиях.

* * *

В последние десять лет царствования Людовика XV во французской политике по отношению к Великобритании определились две тенденции. С одной стороны, сам король стремился сохранить мир любой ценой, чтобы уладить трудноразрешимые внутренние проблемы страны: в первую очередь, найти выход из финансового кризиса и усмирить парламентскую оппозицию. С другой стороны, после унижительного для Франции Парижского мира 1763 г., завершившего Семилетнюю войну, занимавший в ту пору посты государственного

⁸ *Viguerie J. de. Histoire et dictionnaire du temps des Lumières, 1715–1789. P., 1995. P.388.*

⁹ *Louis XVI and the comte de Vergennes: correspondence. Oxford, 1998.* Опубликованные в этом издании письма Людовика XVI Верженну хранятся в настоящее время в семейном архиве потомков Верженна в Марли-ле-Руа, а письма Верженна королю — в Национальном архиве Франции. Следует, однако, оговорить, что не все важные действия и решения относительно Великобритании нашли отражение в переписке Людовика XVI с Верженном. С самого начала царствования Людовика XVI в 1774 г. и вплоть до самой своей смерти в ноябре 1781 г. доминирующей фигурой в королевском окружении был ментор и фактически неформальный первый министр короля Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа. Он координировал и направлял деятельность других министров, и значительная часть дипломатической корреспонденции попадала в его руки, минуя Верженна. Так, именно Морепа были адресованы депеши из Лондона, где в 1776–1778 гг. послом был его протеже Эмманюэль-Мари-Луи, маркиз де Ноай.

секретаря по военным и морским делам, а впоследствии также пост государственного секретаря иностранных дел Этьен-Франсуа, герцог де Шуазель лелеял мечту о реванше. С этой целью он планировал построить сильный флот, способный соперничать с британским, и ему в значительной мере удалось осуществить этот замысел¹⁰. Такая политика, явно расходившаяся с намерениями короля, в конце концов, стала одной из главных причин опалы Шуазеля. Подозрения короля, что Шуазель намерен втянуть Францию в разгоревшийся англо-испанский конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, привели в конце 1770 г. к отставке всесильного министра. После смерти Людовика XV у сторонников Шуазеля появились надежды на его возвращение и продолжение начатого им внешнеполитического курса. Шуазелисты, пользовавшиеся поддержкой супруги нового короля Марии-Антуанетты, зарекомендовали себя сторонниками решительных действий. В то же время, у французской правящей элиты страх перед Англией был силен, и этот фактор оказывал влияние на расстановку сил при дворе и в министерстве.

Ментор молодого короля Людовика XVI Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа, формируя свою министерскую команду и стремясь нейтрализовать возможное политическое влияние Марии-Антуанетты, использовал страх перед войной с Англией в качестве аргумента против своего потенциального соперника Шуазеля, которому оказывала протекцию королева. Так, в 1775 г., убеждая Кретьена-Гийома де Ламуаньона де Мальзерба занять пост государственного секретаря королевского дома, сторонники Морепа ссылались на то, что в противном случае пост достанется одному из ставленников королевы, а это приведет к возвышению Шуазеля и, в конечном счете, к войне: «Ему обрисовали картину изменений, которые произойдут в министерстве, если королеве удастся туда кого-нибудь назначить; за этим первым успехом последовало бы возвращение господина де Шуазеля [...] Господин Франсе, хорошо знающий Англию, доказал ему на фактах, что ежели господин де Шуазель займет свой пост, то спустя шесть месяцев лондонское министерство объявит нам войну»¹¹.

¹⁰ Шуазель намеревался в течение десяти лет построить восемьдесят линейных кораблей и сорок пять фрегатов. К моменту его отставки в 1770 г. было построено шестьдесят четыре линейных корабля и пятьдесят фрегатов (*Patterson A. T. The Other armada: the Franco-Spanish attempt to invade Britain in 1779. Manchester, 1960. P.21*).

¹¹ *Véri, J.-A., abbé de. Journal de l'abbé de Véri, 1774–1780/Ed. J. de Witte. 2 vol. P., 1928–1930. T.1. P.312–313.*

Сам же Людовик XVI по натуре своей был человеком мирным и стремился как внутри страны, так и за ее пределами не применять силы, если можно было этого избежать. Характеризуя внешнеполитические взгляды короля, издатели его переписки с Верженном Дж. Хардман и М. Прайс назвали Людовика XVI «умным традиционалистом», подразумевая под этим, что он в основном был приверженцем системы, существовавшей до «дипломатической революции» 1756 г.¹² Франко-австрийский союз Людовик признавал свершившимся фактом, но без энтузиазма, несмотря на свой брак с принцессой из дома Габсбургов.

Основные элементы внешней политики Людовика XVI были вполне традиционны: сохранение баланса сил в Германии, союз со Швецией, поддержка Османской империи и недоверие к России. Из этого обычного для французской дипломатии XVIII в. набора будет выбиваться один беспрецедентный и смелый шаг: вступление в войну на стороне тринадцати восставших североамериканских колоний в 1778 г.

При этом к Англии Людовик XVI испытывал неподдельное влечение. Как-то раз он сказал одному из приближенных: «По завершении моего образования я почувствовал, что оно еще далеко не полное. И я составил план изучения того, чего мне недоставало. Я хотел знать английский, итальянский и испанский языки; и я сам их выучил»¹³. Впоследствии знание английского языка оказалось полезным для руководства внешней политикой страны. Бегло читая по-английски, король ежедневно просматривал британскую прессу и публикации дебатов в английском парламенте и, таким образом, внимательно следил за тем, что происходило в стане главного соперника Франции на международной арене. Однако его интересы в области английской истории и литературы были столь широки, что явно не носили сугубо прагматического характера и не объяснялись всего лишь необходимостью лучше изучить потенциального противника. Людовик свободно читал в подлиннике труды Д. Юма и Э. Гиббона. «История Англии» Юма была в числе его любимых книг. На досуге король занимался тем, что переводил с английского сочинения упомянутых выше авторов. Его перу принадлежит также посмертно изданный французский перевод «Сомнений, касающихся истории жизни и царствования короля Ричарда III» Горацио Уолпола¹⁴. Чтение и переводы такого рода

¹² Louis XVI and the comte de Vergennes. Preface. P.XII.

¹³ Hue F. Dernières années du règne et de la vie de Louis XVI. P., 1860. P.423.

¹⁴ Règne de Richard III ou Doutes historiques sur les crimes qui lui sont imputés, par Richard Walpole (P., 1800) // Œuvres de Louis XVI. 2 vols. P., 1864. T.2. P.263–405.

литературы служили удовлетворению его интеллектуальных запросов, сформировавшихся в общей для того времени духовной атмосфере англофилии.

По крайней мере, вплоть до 1775 г. король был убежден в мирных намерениях Великобритании. Внимательно изучая выступления депутатов английского парламента, он раньше своих министров пришел к ставшему банальным для историков, но совсем не очевидному для современников выводу, что Великобритания не собирается вмешиваться в конфликты на европейском континенте и что ее интересы переместились в колониальную сферу. «Все это вместе взятое, — писал он Верженну 28 октября 1775 г., — заставляет меня думать, что Англия вовсе не хочет войны и занята только своими колониями; сессия Парламента яснее покажет нам, что происходит»¹⁵.

Позиция, занятая Францией в период Войны за независимость, определялась не только долгим франко-британским соперничеством и стремлением к реваншу, но и тем, что Испания — союзник, связанный с Францией Фамильным пактом, находилась в состоянии конфликта с Португалией. Последняя опиралась на поддержку Англии, а испанцы ожидали действенной помощи со стороны Франции. Письма короля показывают, что в начале Войны за независимость он занимал более сдержанную и осторожную позицию, чем испанцы. Вот как он описывал Верженну беседу с испанским послом Педро Пабло де Абарка, графом де Аранда в начале мая 1775 г.: «Г-н Аранда [...] говорил мне о флоте; о том, как важно было бы иметь хороший флот и что даже стоило бы изыскать и направить на это дело средства, предназначенные для другого; он прибавил, что пока мы едины, нам нечего бояться на суше; что англичане — наши настоящие враги и нужен флот, чтобы им противостоять. Все это правда, и я ему ответил, что я это понимаю, уделяю этому самое пристальное внимание и рассматриваю наш союз как основу безопасности»¹⁶. Заметим попутно, что король явно одобрил высказанное испанским послом враждебное отношение к Англии. Но никакого более конкретного ответа на призывы испанцев ускорить строительство флота и противостоять англичанам он тогда не дал, заявив, что этот вопрос «заслуживает дальнейшего размышления». Верженн полностью разделял сомнения и опасения короля, о чем свидетельствует его ответное письмо: «В то же время, требование Испании действительно и в некотором смысле содержит

¹⁵ Louis XVI to Vergennes, Fontainebleau le 28 octobre 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.212.

¹⁶ Louis XVI to Vergennes, Versailles, 3 mai 1775 // Ibid. P.196.

в себе угрозу. Отклонить его было бы опасно, а принять, — пожалуй, неосторожно. Решение, которое предстоит принять, кажется мне само по себе столь ответственным и столь важным по своим последствиям, ибо речь идет о сохранении или потере союза с Испанией, поэтому я нижайше прошу Ваше Величество повелеть, чтобы это дело было отложено и обсуждено на государственном совете. Средства, способные вызвать доверие короля — вашего дяди¹⁷, не в моих руках: я немного знаю, сир, состояние вашего флота, но не имею сведений о состоянии ваших финансов»¹⁸. Далее Верженн в письме ссылался на необходимость проконсультироваться с более компетентными в этих вопросах морским министром А.-Р.-Ж.-Г. Сартинем и генеральным контролером финансов А.-Р.-Ж. Тюрго. Что же касается позиции упомянутых им министров, то Сартин всецело поддерживал план строительства сильного флота и к лету добился от короля увеличения бюджета своего ведомства, но не выказывал при этом воинственных намерений, а Тюрго, как обычно, призывал к экономии. Так что на тот момент во французских правящих кругах не нашлось сторонников вмешательства в военный конфликт.

Верженн, по словам Хардмана и Прайса, был «пламенным патриотом и роялистом»: он верил в принципы абсолютной монархии и в право Франции играть доминирующую роль в Европе¹⁹. В том, что касается франко-британских отношений, Людовик XVI и Верженн были заодно: они не оставляли мысли о реванше, но не любой ценой. Еще в самом начале царствования Людовика XVI Верженн представил королю мемуар по поводу раздела Польши, в котором выражал опасения, что ослабление Франции наряду с возвышением Пруссии и России на востоке создают угрозу сложившемуся европейскому равновесию: «В течение почти двух столетий великие державы изо всех сил стремились и готовы были всем пожертвовать, лишь бы ни одна из них не добилась преобладания. Новая комбинация приходит на смену этой системе всеобщего равновесия»²⁰. Позднее в письме Людовику XVI 12 апреля 1775 г., где министр выражал опасения по поводу того, что теперь Австрия и Россия готовятся к захвату тер-

¹⁷ Т. е. короля Испании Карла III.

¹⁸ Vergennes to Louis XVI, 4 mai 1775//Louis XVI and the comte de Vergennes. P.197–198.

¹⁹ Ibid. Preface. P.XIV–XV.

²⁰ Mémoire de M. de Vergennes, au commencement du règne de Louis XVI, 1774//Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI [...]; Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1793. T.2. P.386.

риторий, подвластных Османской империи, он утверждал: «Счастлива монархия, если ее суверен полагает свою славу лишь в счастье народов, вверенных Провидением его заботам; именно таков характер Вашего Величества, но я предвижу, что не таков характер императора [Иосифа II—Л. П.], чей беспокойный и алчный дух знаменует тревоги и возможные несчастья человечеству»²¹.

Верженн наметил в этом письме ряд основных правил, которым он намеревался следовать и действительно следовал в своей политике: соблюдать международные договоры, проявлять сдержанность в аннексиях, тщательно готовить свои действия и не расплывать сил на разных направлениях. А ровно через два года он изложил в письме Людовику XVI 12 апреля 1777 г. свое внешнеполитическое кредо. Верженн считал, что Франция должна стать арбитром в европейских делах, но такое положение она обеспечит себе не на полях сражений, а исключительно благодаря внутренней мощи: «Франции в том виде, в каком она сложилась, следует более опасаться расширения, чем стремиться к нему, большая протяженность территории стала бы грузом, висящим на окраинах и ослабляющим центр; у нее самой есть все, что создает подлинную мощь: плодородная земля; ценные продукты, без которых не могут обойтись другие нации; трудолюбивые и предприимчивые жители; подданные, беззаветно преданные своему государю и родине. Слава королей-завоевателей — это бич человечества, слава королей-благодетелей — его благословение. Именно эта слава, сир, должна быть привилегией короля Франции и, в особенности, Вашего Величества, который заботится лишь о счастье рода человеческого. Франция, находясь в центре Европы, может вершить великие дела; ее король, подобно верховному судии, может считать свой трон трибуналом, учрежденным Провидением ради защиты прав и собственности суверенов. Если Ваше Величество, который с таким усердием неустанно печется о восстановлении порядка в своих внутренних делах, в то же время станет проводить такую политику, которая покажет всем, что его душа не затронута ни жадной завоеваний, ни малейшими амбициями и что она хочет лишь порядка и справедливости, то его распоряжениям будут следовать; его пример сделает больше, чем его оружие, повсюду воцарятся справедливость и мир, и вся Европа будет с признательностью рукоплескать благодеяниям, полученным вследствие мудрости, добродетели и великодушия Вашего Величества»²². Вскоре в состояв-

²¹ Vergennes to Louis XVI, 12 avril 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.193.

²² Vergennes to Louis XVI, 12 avril 1777 // Ibid. P.250.

шейся в Версале во время дипломатического приема беседе с русским послом князем П. С. Барятинским он вновь высказал мысль, что «мир де и тишина есть совершенное благополучие народов»²³.

Но тем временем конфликт в Новом Свете развивался, проблема определения четкой позиции Франции в этих обстоятельствах оставалась, и в марте 1776 г. Верженн обратился к королю, выражая опасение, что англичане, усмирив повстанцев, могут перейти к захвату французских и испанских колоний: «Поскольку кризис в североамериканских делах может распространиться на Францию и Англию, как то высочайше заметило Ваше Величество, самая просвещенная предусмотрительность должна остановиться в нерешительности, не зная, что лучше сделать в интересах двух держав в столь шекотливых обстоятельствах»²⁴. Верженн предложил обсудить этот вопрос с другими министрами, особенно с военным министром Клодом-Луи-Робером, графом де Сен-Жерменом, активным сторонником секретной помощи американцам. В августе 1776 г. Верженн по поручению короля составил меморандум, направленный испанскому двору. Текст его был составлен в крайне воинственных выражениях. Верженн утверждал, что «Англия бесспорно является наследственным врагом Франции» и «война предпочтительнее непрочного мира»²⁵.

Людовик XVI с самого начала знал о помощи деньгами, продовольствием и оружием, которую оказывал колонистам П. О. Бомарше. Как свидетельствует близкий к Морепа и потому хорошо информированный Жозеф-Альфонс, аббат де Вери, король по собственной инициативе уполномочил Бомарше вести переговоры с колонистами²⁶. Бомарше склонял короля вмешаться немедленно. Он высказывал опасение, что война в Северной Америке приведет к английскому вторжению во владения французских и испанских Бурбонов. В Англии Бомарше завязал контакты с оппозицией, особенно с Джоном Уилксом и экс-министром Уильямом-Генри, лордом Рочфордом. В 1775–1776 гг. он предлагал королю свои услуги в качестве посредника для подкупа британских политиков. Верженн был склонен поддержать

²³ Депеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от полномочного министра князя Барятинского от 15/26 июня 1777 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Фонд 93. Сношения России с Францией. 1717–1809. Опись 6. Дело 323. Л. 168.

²⁴ Vergennes to Louis XVI [mars 1776] // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 222.

²⁵ Цит. по: Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 236. Сноска 1.

²⁶ *Véri J.-A., abbé de.* Op. cit. T. 2. P. 47.

планы Бомарше²⁷. Но король отверг эти предложения. «Что касается ответа, которого ожидает Бомарше, — писал Людовик Верженну, — скажите ему, что мы не можем сделать то, что он просит, что это неправильно [que ce n'est pas juste]»²⁸.

Ответ короля был явно отрицательным, но своего решения Людовик никак не аргументировал. Хардман и Прайс склонны считать, что король руководствовался соображениями морального порядка, т. е. его слова «ce n'est pas juste» следует понимать в том смысле, что «это не справедливо». Действительно, Людовик XVI отнюдь не был макиавеллистом и придерживался моральных принципов. Однако его короткая записка Верженну, на мой взгляд, не дает оснований полагать, что он отказался от предложений Бомарше, главным образом, потому, что считал безнравственным подкупать подданных другого короля. За его отказом мог стоять и вполне трезвый расчет. Он лучше, чем Бомарше, был осведомлен о политической жизни Великобритании, о настроениях депутатов английского парламента и не считал возможным сформировать путем подкупа профранцузски настроенный кабинет министров.

После консультаций Людовика XVI с Верженном, Морепа, Сартином, Сен-Жерменом и Тюрго было принято решение, что Франция станет оказывать американским повстанцам секретную помощь деньгами и боеприпасами, а также продолжать собственное перевооружение. Такое решение поддержали все, кроме Тюрго, опасавшегося роста военных расходов²⁹. Тюрго считал необходимым воздержаться от участия в войне, принимая во внимание состояние королевских финансов³⁰. Кроме того, он парадоксальным образом утверждал, что интересам Франции отвечало бы подчинение американских колоний

²⁷ См. его письма королю от 23 сентября 1775 и 22 января 1776 г., в которых он излагает замыслы Бомарше. — Louis XVI and the comte de Vergennes. P.207–208, 216–217.

²⁸ Louis XVI to Vergennes, Versailles le 25 novembre 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.214.

²⁹ Doniol H. Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique. T.1. P., 1886. P.279, 345, 370–371; Murphy O.T. Charles Gravier, comte de Vergennes: French diplomacy in the age of revolution, 1719–1787. Albany-N.Y., 1982. P.234–239.

³⁰ См.: Réflexions à l'occasion d'un mémoire du Ministre des Affaires étrangères sur la manière dont la France et l'Espagne doivent envisager les suites de la querelle entre la Grande-Bretagne et ses colonies, le 6 avril 1776 // Œuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / Par G. Schelle. 5 vols. T.5. P., 1923. P.384–420.

Англии, так как оно будет подрывать силы соперника: «Мне кажется, что наиболее желательным исходом в интересах обеих корон было бы, если бы Англия преодолела сопротивление ее колоний и принудила их подчиниться своему господству, потому что если бы колонии были покорены лишь вследствие истощения всех их ресурсов, Англия утратила бы те выгоды, что она получала от них до сих пор, будь то в мирное время благодаря росту торговли, или во время войны благодаря возможности использовать их силы. Если же, напротив, побежденные колонии сохранят свои богатства и население, они сохранят также мужество и стремление к независимости и вынудят Англию употребить часть ее сил на то, чтобы воспрепятствовать им восстать вновь». Что же касается обретения английскими колониями независимости, Тюрго полагал его не только возможным, но и почти неизбежным. Это событие, с его точки зрения, имело бы самые серьезные последствия и для других европейских колониальных держав, в первую очередь, для Франции: «Когда независимость колоний будет полной и ее признают сами англичане, последует полная революция в политических и торговых отношениях между Европой и Америкой, и я твердо убежден, что все метрополии будут вынуждены отказаться от власти над своими колониями, предоставить им полную свободу торговли со всеми нациями, разделить эту свободу с другими и сохранить со своими колониями узы дружбы и братства. Если это и зло, я не вижу никакой возможности его предотвратить; единственно возможным решением будет покориться абсолютной неизбежности и утешиться»³¹.

Впрочем, особой беды в перспективе утраты колоний Тюрго не усматривал. Рассуждая о тех выгодах, которые Франция извлекала из обладания колониями, он отмечал, во-первых, торговые интересы метрополии: она имела возможность покупать дешево сахар, кофе, хлопок и индиго и продавать дорого муку, вина, ткани и мануфактурные изделия. Правда, значительная часть вырученных средств доставалась иностранному купцам, в частности, голландским. Во-вторых, колонии укрепляли военную мощь страны, увеличивая количество подданных короны и создавая дополнительные плацдармы. И, в-третьих, из колоний поступали деньги в виде налогов, правда, по словам Тюрго, они целиком шли на содержание колониальной администрации³². Из этих рассуждений следовал вывод, что реальной выгоды колонии не приносили и в интересах Франции было бы их оставить:

³¹ Ibid. P.415–416.

³² Ibid. P.393–397.

«Доход, который правительство извлекает из колоний, ничтожно мал для Государства, рассматриваемого как политическая сила; и если подсчитать, сколько тратится ежегодно на оборону и администрацию колоний, даже в мирное время, и если еще прибавить к этому непомерные расходы, которых требуют колонии во время войн, когда подчас нет никакой возможности их сохранить, а также жертвы, на которые приходилось идти по заключении мира, чтобы возвратить хотя бы часть из них, то напрашивается предположение: не будет ли выгоднее для нас предоставить им полную свободу и независимость, не дожидаясь того момента, когда события вынудят нас принять такое решение, как я показал это выше. [...] *Мудрой и счастливой будет та нация, которая первой сумеет приспособить свою политику к новым обстоятельствам и согласится рассматривать свои колонии как союзные провинции, не подчиненные более метрополии!*»³³ Впрочем, размышления Тюрго о выгодах свободной торговли с колониями, обретающими независимость, никого не убедили. У Верженна были совсем другие заботы: ослабить британскую империю, не нанеся ущерба колониальным интересам Франции.

Итак, с 1776 г. Франция начала оказывать восставшим американцам секретную помощь. Людовик не просто разрешил посылать деньги в Америку, но и лично руководил этим. Переписка короля с Верженном проливает свет на некоторые организационные детали операции по передаче субсидий американцам. Так, 2 мая 1776 г. Верженн направил на подпись королю распоряжение выделить на помощь восставшим колониям один миллион ливров, а также представил ему на одобрение текст высочайшего ответа, который будет послан Бомарше. Верженн предупреждал, что утвержденный королем текст письма Бомарше в целях конспирации будет написан не самим министром, а его пятнадцатилетним сыном. На мальчика можно положиться, он не проболтается, — заверил министр. Чтобы скрыть участие правительства в операции, Верженн предложил организовать передачу денег через посредство некоего Монтодуэна, торговца оружием из Нанта, к тому времени уже оказывавшего помощь американцам в частном порядке³⁴.

Но осенью 1776 г. в Америке сложилось критическое для повстанцев положение: английская армия наступала и взяла Нью-Йорк. Анализируя ситуацию, Верженн признавал войну с англичанами

³³ Ibid. P.397–398.

³⁴ Vergennes to Louis XVI, 2 mai 1776 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.227.

неизбежной, хотя и не считал ее делом ближайшего будущего. По его мнению, с войной не следует торопиться, надо основательно подготовиться, чтобы одержать победу, взять реванш и вернуть Франции роль арбитра в европейской политике. Он писал королю 17 октября 1776 г.: «В самом деле, ничто больше не заставляет торопиться; если я не ошибаюсь, события, произошедшие на Лонг-Айленде, даже если они приведут к взятию Нью-Йорка, создают положение, менее тревожное для нас. Мне кажется, что англичане, остановившиеся в Америке на зимних квартирах, стали для нас менее опасными, чем на море, где они искали убежища. И мы ничем не рискуем, давая им увязнуть в войне, в которой сами одерживаемые ими победы становятся реальными потерями; если это решение кажется предпочтительным, хотя война, может быть, и неизбежна, то важно, сир, не прекращать разного рода приготовлений, о которых Ваше Величество распорядилось с такой предусмотрительностью, с тем чтобы, занимая во всех отношениях достойное положение, вы могли бы вернуть принадлежащую вашей короне роль арбитра мира и войны»³⁵.

В ответном письме Верженну от 18 октября 1776 г. король изложил свое видение обстановки, сложившейся в результате наступления англичан: «Их преимущество само по себе незначительно и приведет лишь к тому, что они еще больше втянутся в войну, а чем дольше они будут воевать, тем скорее сами себя истребят. Даже если они сумеют возобновить военные действия, их это только еще больше ослабит, так как сами они растратят свои силы на борьбу с колониями, а колонии будут разорены. Другой хороший результат завоеванного ими преимущества состоит в том, что он усилит нынешнее министерство³⁶, которым мы можем быть довольны не только вследствие дружественного к нам отношения, но и из-за того, с каким упорством и настойчивостью оно ведет эту войну, а она так или иначе принесет им только вред. Все эти соображения вместе взятые позволяют мне надеяться, что мы не будем воевать, по крайней мере, в ближайшее время. Но это не мешает нам, как Вы прекрасно понимаете, продолжать строительство флота; если бы удалось по-настоящему его воссоздать и показать нашу силу, каковой у нас раньше не было, то это было бы очень большим достижением»³⁷. На основании этого письма Хардман и Прайс прихо-

³⁵ Vergennes to Louis XVI, le 17 octobre 1776 // Ibid. P.235.

³⁶ Лорда Норта.

³⁷ Louis XVI to Vergennes, Fontainebleau le 18 octobre 1776 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.237.

дят к выводу, что всего за полтора года до вступления в войну Людовик XVI ясно осознавал: трудности, которые испытывают англичане, позволяют Франции перевооружиться и только благодаря этому поднять свой престиж, избегая риска и военных расходов. Король, как полагают историки, не хотел войны с Англией и считал, что если такая война и начнется, то инициатива в ее развязывании будет принадлежать не Франции, а Англии, которая, уладив тем или иным образом дела в своих колониях, станет угрожать заморским владениям Франции³⁸. Мне все же представляется, что в этом письме Людовик XVI отвергал не в принципе войну против Англии, а войну ради интересов Испании. Король заявлял, что «таскать каштаны из огня» для испанцев было бы совершенно недопустимо. И далее он объяснял, какие цели могла бы преследовать Франция в войне: «Если мы вынуждены будем начать войну против Англии, это следует делать ради защиты наших владений и уменьшения ее мощи, ни в коем случае не для нашего территориального расширения, но только с целью уничтожить ее торговлю и подорвать ее силы, поддерживая восстание и отделение ее колоний, вопреки аксиоме г-на де Гримальди³⁹, который говорит, что войну ведут только с целью расширения. В общем, Испания слишком злоупотребляла фамильным пактом. Следует поддерживать своего союзника — и тем более такого справедливого и разумного — во всем, что справедливо и отвечает общим интересам, но не ради его амбиций и суетной славы»⁴⁰.

Но два года спустя он откажется от провозглашенной им осторожной тактики и открыто начнет войну против Англии. В короткой записке Верженну в начале февраля 1778 г. Людовик XVI уже без обиняков распоряжается, что «дело с инсургентами надо закончить»⁴¹, т. е. решение заключить с ними союз им было окончательно принято. 6 февраля Франция заключила союз с Соединенными Штатами Америки, а в марте 1778 г. были разорваны отношения с Великобританией. Какими соображениями руководствовался король? В историографии существует широко признанная точка зрения, согласно которой министры — имеются в виду, прежде всего, Верженн, Мо-

³⁸ Это мнение Дж. Хардман и М. Прайс высказывают в предисловии к публикации переписки Людовика XVI с Верженном. — Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P.56–57.

³⁹ Министр иностранных дел Испании.

⁴⁰ Louis XVI to Vergennes, Fontainebleau le 18 octobre 1776 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.237.

⁴¹ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] reçu le 5 février [1778] // Ibid. P.258.

репа и Сартин — с самого начала решили воспользоваться конфликтом англичан с их колониями, чтобы взять реванш за поражение в Семилетней войне. Но Людовик XVI долго не мог решиться выступить на стороне подданных, восставших против своего государя. Чтобы разрешить его сомнения, а заодно и привлечь на свою сторону правителей Испании, министры выдвинули следующий аргумент. По их словам, по окончании войны, каким бы ни был ее исход, англичане направят свои войска, находящиеся в Новом свете, на завоевание французских и испанских колоний⁴².

Впоследствии, в годы революции Людовик выражал сожаление о решении вмешаться в заокеанский конфликт. Как показал опыт, война обошлась слишком дорого, спровоцировав чудовишный дефицит бюджета, который, в свою очередь, вынудил короля создать Генеральные штаты для выхода из финансового кризиса, а последовавшие затем события привели к падению монархии. В 1792 г. в беседе с морским министром А.-Ф. Бертраном де Мольвилем король признавался, что не может без сожаления думать об американской войне: «В то время отчасти воспользовались моей молодостью, и теперь мы все от этого страдаем. Такой горький урок нельзя забыть»⁴³. Однако содержание его писем 1770-х гг. отнюдь не соответствует образу неопытного юного короля, введенного в заблуждение неосторожными советниками. Каково бы ни было давление со стороны министров, в конечном счете, ответственность за решение открыто поддержать восставших колонистов и начать войну против Англии всецело лежала на короле: он не только сам принял его, но и старался всячески активизировать и преумножить помощь американцам со стороны Франции.

О том, что окончательное решение выступить на стороне повстанцев принадлежало лично королю, сообщал Верженн в письме французскому послу в Испании Арману-Марку графу де Монморену: «Поверьте мне [...], что королю нетрудно было решиться на предложенные нами действия. И он решил все не под влиянием своих министров; его подвигли на это очевидные факты, осознание опасности и собственная убежденность: я могу с уверенностью сказать, что Е. В. внушает мужество всем нам [...]»⁴⁴ Разумеется, в словах Верженна очевидно стремление снять ответственность за принятое рискованное

⁴² Dull J.R. The French Navy and American Independence: A Study of Arms and Diplomacy, 1774–1787. Princeton-N.Y., 1975.

⁴³ Bertrand de Molleville A.-F. Mémoires particulières pour servir à l'histoire de la dernière année du règne de Louis XVI, roi de France. P., 1821. P.232–233.

⁴⁴ Цит. по: Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P.63.

решение лично с себя. В то же время, в условиях, когда оно принималось, — а наставник короля граф де Морепа в январе 1778 г. на три недели слег в постель с тяжелым приступом подагры, — последнее слово короля становилось особенно весомым.

В исторической литературе обычно подчеркивается, что в тот момент обстановка на театре военных действий объективно изменилась, и решающим фактором стала капитуляция Дж. Бургойна под Саратогой 4 декабря 1777 г.⁴⁵. Определяющее значение этого события признавали и сами облеченные властью современники. Верженн выразил опасение, что поражение заставит англичан признать независимость Америки, после чего метрополия и ее бывшие колонии могут, объединившись, начать военные действия против Франции. Таким образом, Франции следовало постараться опередить соперника и как можно скорее заключить союз с колонистами. Как он впоследствии писал королю, «поражение генерала Бургойна, вынужденного подписать позорную капитуляцию под Саратогой и сдать в плен со своей армией, полностью изменило перспективу, в которой можно было рассматривать столкновения в Северной Америке. При известии об этом событии почти вся Англия в один голос закричала, что надо заключить мир с Америкой и начать войну с Францией; вскоре на это откликнулся британский парламент, наиболее здравомыслящие из его членов склонялись признать независимость Америки и заключить с ней пакт, который, подобно пакту Вашего Величества с испанским домом, связал бы воедино интересы двух народов в делах мира и войны; в итоге Франции пришлось бы расплачиваться за свои жертвы»⁴⁶.

Возможно, эти аргументы повлияли на решение французского короля поторопиться с признанием независимости США. Одиннадцатого декабря Людовик XVI продиктовал Верженну инструкции по поводу ответа, который следовало дать находящимся во Франции американским депутатам. Король объяснял, что пока обстоятельства не позволяли открыто признать независимость Соединенных Штатов Америки, так как «Его Величество, связанный самыми близкими и тесными узами с королем Испании, желает, чтобы все взятые им на себя обязательства были бы общими с этим государем и исполнялись бы совместно с ним». Но положение изменилось, и «сейчас обстоятельства представляются более благоприятными для установления

⁴⁵ См.: Ibid. P.57–58.

⁴⁶ Vergennes to Louis XVI, 3 janvier 1780 // Ibid. P.281.

тесных отношений между его короной и соединенными провинциями Северной Америки»⁴⁷.

Решение Людовика XVI было также обусловлено тем, что к этому времени завершилось строительство французского флота. Если при восшествии Людовика XVI на престол в 1774 г. Франция располагала лишь одним боеспособным линейным кораблем, то к 1778 г. с шестьюдесятью кораблями она почти достигла паритета с Великобританией⁴⁸.

Решению короля благоприятствовала и смена главы финансового ведомства. В мае 1776 г. получил отставку неуклонно сопротивлявшийся военным приготовлениям Тюрго. Его преемники Жан-Этьен-Бернар де Ключьи де Нью и Луи-Габриэль Табуро де Рео рассматривались как фигуры проходные, временные и не имели большого влияния. Жак Неккер, назначенный в июне 1777 г. генеральным директором финансов, подобно Тюрго, был сторонником режима экономии, но его — как иностранца и протестанта — Людовик XVI так и не ввел в состав Королевского совета, и потому он не имел возможности обсуждать вопросы внешней политики наряду с другими министрами.

В литературе высказывалось еще одно соображение относительно того, что предопределило окончательный выбор короля в пользу вступления в войну. В начале января 1778 г. Людовик XVI получил известие о смерти баварского курфюрста. Император Иосиф II намеревался аннексировать баварские земли и рассчитывал на помощь своего союзника — Франции. Война против Великобритании давала французскому королю благовидный предлог уклониться от участия во внутригерманском конфликте, в котором он не был непосредственно заинтересован⁴⁹.

Наконец, сам Людовик XVI в письме испанскому королю Карлу III 8 января 1778 г. весьма, на мой взгляд, убедительно изложил, какие именно соображения стояли за принятым им решением вступить в войну на стороне американцев: «Государь мой брат и дядюшка, мое искреннее желание сохранить истинную гармонию, согласие и единство системы, призванные постоянно внушать уважение нашим врагам, понуждает меня изложить Вашему Величеству мой образ мыслей о настоящем положении дел. Англия, наш общий и закоренелый враг, три года назад вступила в войну со своими американскими колония-

⁴⁷ Louis XVI to Vergennes, 11 décembre 1777 // Ibid. P.252.

⁴⁸ Dull J.R. Op. cit.

⁴⁹ Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P.64–66, 72–73.

ми. Мы согласно пришли к решению не вмешиваться, и, по-прежнему рассматривая обе стороны как англичан, мы предоставили нашим государствам свободно торговать с той из них, каковая сочтет это для себя более выгодным. Таким образом Америка получила недостававшие ей оружие и припасы. Я не говорю, что мы помогали ей деньгами и т. п., все прошло за счет торговли. Англия была раздосадована этой помощью и дала нам знать, что рано или поздно отомстит. Она уже вероломно захватила несколько наших торговых кораблей, возвращения коих мы тщетно добиваемся. Мы, со своей стороны, не теряли времени; мы укрепили наиболее уязвимые из наших колоний и привели в надлежащую готовность флот, что только усилило досаду Англии. Вот так обстояли дела в прошлом декабре месяце. Все совершенно переменялось ввиду поражения армии Бургойна и крайне затруднительного положения армии Хоу. Америка торжествует, а Англия повержена, но все же полностью сохраняет свою морскую силу и надежду на взаимовыгодный союз с колониями, кои оказалось невозможным подчинить силой. С этим согласны все партии; сам лорд Норт обещал в парламенте вынести на первую сессию мирный план, и все они усиленно над ним работают. Так что нам все равно, останется ли это министерство или придет другое. Все они так или иначе хотят союза с Америкой и помнят о наших враждебных действиях. Они обрушатся на нас с такой силой, как будто бы и не было гражданской войны. Принимая во внимание все это, а также наши известные претензии к Англии, выслушав мнение моего совета и в особенности г-на д'Оссена⁵⁰, я решил, что будет справедливо и необходимо, рассмотрев предложения инсургентов, начать с ними переговоры, дабы воспрепятствовать их воссоединению с метрополией⁵¹. Что ж, поторопиться заключить союз с Соединенными Штатами Америки, пока этого не сделали англичане, — по-моему, вполне логично. Аргументы, изложенные Людовиком XVI испанскому королю, к стати, полностью совпадают с теми, что приведены в незавершенном письме Верженна Людовику XVI, относящемся к началу января 1780 г.⁵². Опасения короля представляются тем более обоснованными, если вспомнить, забежав немного вперед, что в последнее десятилетие XVIII в. находившаяся у власти в США партия федералистов во внешней по-

⁵⁰ Французский посол в Испании.

⁵¹ Louis XVI to Charles III, 8 janvier 1778 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.255. Те же соображения Людовик XVI вновь изложил в письме Карлу III 9 марта 1778 г. (см.: Louis XVI and the comte de Vergennes. P.260).

⁵² Vergennes to Louis XVI, [3 janvier 1780] // Ibid. P.277–283.

литике придерживалась проанглийского и, соответственно, антифранцузского курса. Во всяком случае, начать кампанию, исходя из этих соображений, было разумнее, чем ввязаться в дорогостоящую войну с непредсказуемым исходом на другом континенте, лишь бы только — как полагают Хардман и Прайс — уклониться от участия в конфликте из-за баварского наследства. Я склонна верить словам Людовика XVI: его решение вступить в Войну за независимость было не удачно придуманным предлогом, а еще одной причиной — наряду с прочими, — того, что Франция, несмотря на просьбы австрийской стороны, воздержалась от участия во внутригерманском конфликте.

Король прекрасно отдавал себе отчет в том, что значение сделанного им шага (он ни много ни мало поддержал бывших подданных, восставших против законного государя!) выходит за рамки франко-британского соперничества и ставит важную международно-правовую проблему. Об этом свидетельствуют его замечания по поводу манифеста, опубликованного Королевским советом в 1779 г. Текст манифеста содержал слова: «Его Величество бесповоротно заявляет королю Англии, что не является и не собирается быть судьей в его раздоре с бывшими колониями и не ему следует за это мстить». Король написал по этому поводу: «Мы сделали больше. Мы судили свободные народы; мы дали им существование как нации, которое, будучи оспорено державой, осуществляющей суверенитет, не может более иметь место, кроме как благодаря признанию иностранных держав. Вот и следует доказать справедливость и законность именно этого сделанного нами акта признания»⁵³. То есть «справедливость и законность» признания Соединенных Штатов Америки Францией представлялась ему если не сомнительной, то, во всяком случае, нуждающейся в обосновании, и решающим аргументом в пользу сделанного французским монархом шага могло быть только международное признание нового государства. Итак, если вернуться к вопросу о том, представлял ли себе Людовик XVI возможные последствия участия Франции в Войне за независимость, то следует признать, что внешнеполитические и международно-правовые последствия своего шага он осознавал в полной мере. Однако он, конечно же, не видел всех тех рисков, которые несла с собой война для внутреннего, и в первую очередь финансового, положения государства.

Ведение войны осложнялось разногласиями внутри министерства. Особенно острым был конфликт между морским министром Сарти-

⁵³ Œuvres de Louis XVI. P., 1864. T.2. P.44.

ном и генеральным директором финансов Неккером⁵⁴. За ним стояло не только естественное и неизбежное различие во взгляде на происходящее между морским министром, прежде всего заботящимся об оснащении сильного флота, и вынужденным экономить министром финансов, но и принципиально разное отношение к противнику — Англии. Для Неккера это была хотя и враждебная держава, против которой Франция вела войну, но, вместе с тем, передовая во многих отношениях страна, опыт которой стоило бы позаимствовать. Сторонники Неккера открыто ссылались на английский пример. Как писал автор памфлета «Скромные замечания одного гражданина», «в Англии, например, налогообложение не является произвольным, кредит и власть не делают никаких исключений, Народ не беззащитен перед тиранией исполнителей: облагающаяся налогом Нация сама решает, сколько и на что употребить; таким образом, это временное зло [речь идет о чрезвычайных налогах военного времени — *Л. П.*] и злоупотреблений не следует опасаться»⁵⁵.

Верженн безоговорочно поддерживал Сартина и подозревал Неккера в связях с англичанами. Об этом сообщал осенью 1780 г. аббат Вери: «Г-н де Верженн всегда был его самым решительным противником и добивался от г-на де Морепа отставки г-на Неккера по подозрению в сношениях с англичанами, обусловленных интересами его банка, если не еще менее благовидными мотивами. Трудно поверить, что г-н Неккер не знает или не чувствует этого»⁵⁶. В тот момент верх одержал Неккер, и Сартин был отправлен в отставку. Но спустя несколько месяцев, 3 мая 1781 г. Верженн по просьбе короля составил конфиденциальный доклад, в котором доказывал несовместимость политики Неккера с принципами абсолютной монархии, что впоследствии сыграло решающую роль в решении короля об отставке министра финансов.

Верженн в своем отношении к Англии принципиально расходился с Неккером. Для него Англия являлась не просто главным внешнеполитическим соперником Франции, но и страной, чьи государственный строй и политические традиции были принципиально чужды французским. Свое мнение на этот счет он недвусмысленно высказал

⁵⁴ *Michel J. Du Paris de Louis XV à La Marine de Louis XVI. L'oeuvre de Monsieur de Sartine. 2 vols. P., 1983–1984. T.2. P.192–200.*

⁵⁵ *Observations modestes d'un citoyen // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M.Necker. Avec des notes critiques, politiques et secrettes. 3 vols. Utrecht, 1782. T.3. P.99.*

⁵⁶ *Véri J.-A., abbé de. Op. cit. T.2. P.394–395.*

после того, как в феврале 1781 г. Неккер впервые в истории Франции опубликовал «Отчет королю» о состоянии финансов. Через три месяца Верженн представил королю упомянутый выше доклад, поводом к составлению которого послужил отчет Неккера. Верженн обвинял министра финансов в погоне за дешевой популярностью, в англомании, пренебрежении интересами короля и традициями французской монархии. По его мнению, трудно было бы ожидать чего-то другого от иностранца, республиканца и протестанта, каковым был Неккер. Вспоминая трагические эпизоды французской истории, в частности Религиозные войны и Фронду, Верженн утверждал, что оказывавшиеся у власти иностранцы всегда являлись авантюристами, игравшими пагубную роль в судьбах страны.

По мысли Верженна, с установлением абсолютной монархии во Франции прежние сословные различия превратились в фикцию и все французы стали единым народом, подчиненным королю, что послужило только на благо стране: «Во Франции нет более ни духовенства, ни дворянства, ни третьего сословия; между ними осталось фиктивное, чисто репрезентативное различие, не имеющее реального веса. Когда монарх говорит, весь народ покорно внемлет. Разве Франция, находясь в таком положении, не обладает всеми правами вовне и не процветает внутри?»⁵⁷ Неккер же не проникся «этой величественной гармонией»⁵⁸ и вознамерился ее разрушить. «В конечном итоге, его отчет — это чистый призыв к народу, и мы еще не осознаем и даже не представляем себе его пагубных последствий для монархии»⁵⁹.

Публикацию финансового отчета Верженн заклеил как рабское подражание англичанам, совершенно недопустимое ввиду различия национальных характеров англичан и французов: «Пример Англии, публикующей свои счета, подходит для беспокойного, расчетливого, эгоистичного народа. Его повторение во Франции стало бы оскорблением национального характера, коему свойственны чувствительность, доверие и беззаветная преданность своему королю. Франция погибнет, сир, если ваше величество позволит своим министрам подражать

⁵⁷ *Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l'esprit du compte rendu relativement à la constitution de l'état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses moeurs, à l'administration des finances de France // Soulavie J.L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. T.4. Paris, 1801. P.153.*

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Ibid. P.155.*

английской администрации, коей предшественники В. В. выказывали столь сильную и справедливую неприязнь»⁶⁰.

В своем противопоставлении национального духа англичан и французов Верженн был не одинок. Во французской пропагандистской публицистике времен Войны за независимость стало общим местом вписывать эту войну в долгую череду международных конфликтов, порожденных английской скупостью и торгашеством⁶¹.

Как мы уже знаем, министр иностранных дел подозревал, что Неккер не просто берет пример с англичан, но и негласно поддерживает с ними связи ради собственной выгоды и в ущерб интересам Франции. И это мнение высказывал не только Верженн: обвинения в прямом пособничестве англичанам звучали в целом ряде памфлетов, направленных против Неккера. Автор одного из них, озаглавленного «Отрывок из английских бумаг», заявлял якобы от лица некоего англичанина: «Мы заставили этого *великого Человека* служить нашим интересам. Но в настоящий момент я не могу раскрыть любопытные подробности этого, опасаясь навредить нашему последнему и самому верному Союзнику на Континенте. Экономия им провианта стала истинной причиной того, что усилия французов в Войне очень странным образом оказались тщетными; именно это помешало им послать деньги американцам. Именно этой экономии мы обязаны восстанием в армии Вашингтона и многими оплошностями, допущенными во французских Советах и в Армиях с начала Войны. — Так что каждый англичанин обязан своей славой Неккеру»⁶².

Замыслы и поступки Неккера находились, как полагал Верженн, в противоречии с основополагающими принципами французской монархии и наносили оскорбление престолу. Министр иностранных дел обращал внимание короля на «противоречия принципов и мер г-на Неккера с мерами и принципами, кои превратили это королевство в самую могущественную и наиглавнейшую из существующих европейских монархий»⁶³. «Г-н Неккер показывает партии, именуемой им общественным мнением, что при добром короле, при монархе — друге народа министр финансов по своим добродетелям стал единственной надеждой и гарантией для заимодавцев и наблюдающих

⁶⁰ Ibid. P.158.

⁶¹ *Acomb F.* Op. cit. P.69–88.

⁶² Extrait des papiers anglais// Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. T.2. P.170.

⁶³ *Vergennes Ch. de.* Op. cit. P.158.

за правительством знатоков. Долго еще придется Вашему Величеству залечивать рану, нанесенную величию престола тем самым человеком, коему по должности полагалось бы его охранять и внушать народу почтение к нему»⁶⁴.

Со своей стороны, Верженн тоже не отрицал, что «мнение правит миром», но он оперировал этим понятием преимущественно во внешнеполитическом контексте, когда речь шла о мнениях правителей разных стран и о том, как они представляют себе взаимное соотношение сил⁶⁵. Идея *общественного* мнения как самостоятельной инстанции, посвященной в государственные дела и ведущей диалог с властью, казалась ему ошибочной и вредной.

Вместе с тем, Верженн готов был признать и определенные преимущества британской политической системы, позволявшие быстро находить средства на покрытие военных расходов. В 1776 г. он писал французскому послу в Лондоне де Ноайю: «Вызывает восхищение и кажется чудесной та легкость, с какой английская нация или, точнее, ее представители идут на столь чудовищные расходы. Мы, несомненно, располагаем более реальными ресурсами, чем Англия, но распорядиться ими нам далеко не так легко; связано это с тем, что [общественное] мнение не может установиться в абсолютной монархии так, как это происходит в монархии смешанной»⁶⁶. Получалось, что активная и великодержавная внешняя политика заставляла министра задуматься над преимуществами смешанной монархии и представительного правления, позволяющими правительству опираться на поддержку общественного мнения. Осознание этих выгод не приводило, тем не менее, Верженна к мысли о необходимости реформировать французскую монархию в подобном духе.

Что же касается Людовика XVI, то проявления явной враждебности по отношению к Англии можно встретить лишь в ряде его писем, адресованных испанскому королю Карлу III в период американской Войны за независимость. «Я полагаю, — писал он 19 июня 1778 г. Карлу

⁶⁴ Ibid. P.159.

⁶⁵ Mémoire de M. de Vergennes, au commencement du règne de Louis XVI, 1774 // Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI. Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. Paris: chez Buisson, 1793. T.2. P.393–394.

⁶⁶ « Cela tient à une opinion qui ne peut pas s'établir dans une monarchie absolue comme dans une monarchie mixte» (Цит. по: Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P.103).

III, склоняя того вступить в войну против Англии⁶⁷, — что сейчас настало время, не раздумывая, принять самые подходящие меры, дабы унижить эту державу, естественного врага и соперника нашего дома»⁶⁸. В другом письме, адресованном испанскому монарху, он называл Англию «нашим общим закоренелым врагом». При этом Хардман и Прайс обращают внимание на то, что в письмах Верженну, которого не надо было агитировать воевать совместно против англичан, он никогда не употреблял подобных выражений. Что ж, это вполне естественно. Во-первых, Верженн — министр короля, и король вообще не обязан ни в чем его убеждать. Во-вторых, как известно, Верженн пришел к мысли о необходимости воевать против англичан еще раньше, чем король.

Людовик XVI внимательно следил за перипетиями внутренней политики британской монархии. В марте 1782 г. он обсуждал с Верженном сообщения английских газет о победе оппозиции и падении министерства лорда Норта. Как писал Людовик, «я не знаю, какой оборот после этого примут дела, но все это принесет личные затруднения (*une reine personnelle*) английскому королю»⁶⁹. Год спустя, в марте 1783 г. Георг III под давлением со стороны парламента вынужден был отправить в отставку главу правительства лорда Норта. Сформировавшаяся вслед за этим коалиция Фокса-Норта добивалась от короля назначения своего кандидата (герцога Портленда) на пост премьера. На время Георгу III удалось внести раскол в ряды коалиции⁷⁰. Узнав об этом, Людовик XVI оценил, с какой ловкостью король взял верх над соперниками, и сравнил его с Ришелье, сумевшим найти выход из столь же сложного положения в знаменитый «день одураченных» (*la journée des dupes*). Но сам по себе факт, что король, уступая мнению парламентского большинства, вынужден был отправить в отставку министра, которому он полностью доверял, представлялся ему имеющим поистине эпохальное значение для дальнейшей эволюции британской монархии: «Это можно назвать днем одураченных; я рад за английского короля и желаю ему добиться окончательного успеха, но чем бы дело ни обернулось, оно составит эпоху в конституции»

⁶⁷ Соглашение об этом будет подписано в апреле 1779 г.

⁶⁸ Louis XVI to Charles III of Spain, Versailles, 19 juin 1778 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.263.

⁶⁹ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] 30 mars 1782 // Ibid. P.301.

⁷⁰ Впрочем, уже 2 апреля Георгу III пришлось отступить и назначить Портленда премьер-министром.

ровании английского правления (*dans la constitution du gouvernement anglais*)»⁷¹.

Между тем, 26 сентября 1780 г. Морепа в беседе с королем выразил тревогу по поводу состояния финансов и заявил, что единственный выход из создавшегося положения — заключить мир. Как писал на следующий день Верженн Людовику XVI, «Ваше Величество слышал вчера те подробности, которые г-н граф де Морепа сообщил ему о положении финансов. Они воистину внушают тревогу и, кажется, не оставляют другого выхода, кроме заключения мира и как можно скорее»⁷². Мир этот, как соглашались король и его министр, должен быть «справедливым и почетным»⁷³.

Перемирие с Англией, подписанное 20 января 1783 г., и начало переговоров о мирном трактате до предела обострили отношения между Верженном и морским министром маркизом де Кастри. Верженн был вполне удовлетворен условиями Парижского мира: Франция восстановила свой утраченный двадцать лет назад престиж, Англия была унижена, а продолжать войну и добиваться более выгодных результатов не позволяли финансовые трудности. Кастри же, со своей стороны, был возмущен тем, что Франция получила крайне незначительные территориальные приобретения. Особенно он негодовал по поводу недостаточного расширения французских владений в Индии. Будучи одно время директором Индской компании, Кастри проникся убеждением в том, что Индия для Франции важнее, чем Вест-Индия, и в конце 1782 г. яростно, хотя и безуспешно пытался противостоять Верженну при выработке условий мирного договора с Англией⁷⁴.

Подписание прелиминарных пунктов мирного договора вызвало брожение во французском обществе. Многие считали, что от победоносной войны Франция ничего не выиграла. Говорили, что она могла бы получить значительные преимущества на Антильских островах и в Индии, а окончила войну в том же положении, в каком и начала ее. Сообщая эти сведения об умонастроениях во французском обществе, русский посол князь Барятинский счел нужным высказать свои возражения. Во-первых, с его точки зрения, чтобы по достоинству оценить результаты войны, надо учитывать не только, что при-

⁷¹ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] 28 mars 1783 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P.320.

⁷² Vergennes to Louis XVI, 27 septembre 1780 // Ibid. P.291.

⁷³ Vergennes to Louis XVI, 17 mai 1782 // Ibid. P.305.

⁷⁴ Ibid. Introduction. P.35.

обрела или не приобрела Франция, но и какой урон понесла Англия. Во-вторых, французы явно недооценивали Верженна, так как он, в отличие от Шуазеля, не умел воздействовать на общественное мнение. Он излишне скромн, далек от всяких интриг, у него много завистников, но «не имеет он таких в округ себя людей, которые в том только и упражняются чтоб интриговать и из место в место ездить о нем разглашать с восхищением, как то здесь было во употреблении во время Министерства Дюка Де Шоазеля. Сими способами распяляли они мысли всей публики и маловажным делам придавали великую цену. Друзья Графа Верженна видево оное, искреннее оказывают сожаление, что великие услуги сего почтенного мужа от интриг в публике не столь кажутся видными и важными, как оные суть в самом деле. [...] ему должно было объявить вместе с подписанием примирения и прелиминарные пункты, ибо не объявля оных публика осталась в неизвестности о точном содержании мирных договоров», и в результате в Париже по рукам ходило свыше двадцати различных сочинений, авторы которых высказывали свои домыслы о содержании подписанных статей⁷⁵. Наконец, необходимо вспомнить, что результаты войны полностью отвечали тем целям, которые изначально сформулировал Людовик XVI в упоминавшемся выше письме Верженну 18 октября 1776 г.: добиваться не расширения территорий, защиты колониальных владений Франции и уменьшения мощи Англии. Что ж, поставленные королем задачи были успешно выполнены, хотя кому-то они, возможно, и казались слишком скромными.

Если обратиться к сложившейся к тому времени расстановке сил на международной арене, то и французский и британский монархи были обеспокоены подъемом «северных держав» (так обычно называли Австрию, Пруссию и Россию). Жерар де Ренваль, уполномоченный с французской стороны вести переговоры о заключении мира с Великобританией, в депеше от 24 января 1783 г. отчитывался перед Верженном об аудиенции у Георга III. По его словам, помимо комплиментов в адрес Людовика XVI и Верженна английский король сказал, что «Франция и Англия созданы быть друзьями; союз между ними совершенно отвечает их правильно понятым интересам; он предотвратит войну не только между этими двумя странами, но и между другими государями Европы и т. д.» Ознакомившись с депешей, Людовик XVI отослал ее обратно Верженну с запиской, в которой присоединился

⁷⁵ Делеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от полномочного министра князя Барятинского от 15/26 января 1783 г. // Архив внешней политики Российской империи. Фонд 93. Опись 6. Дело 396. Л.11–14 (об.).

к словам своего министра, что «уместно испытывать удовлетворение тем, как высказывался английский король»⁷⁶.

Означает ли это, что для Людовика XVI Франция и Англия были, скорее, «естественными союзниками», нежели «естественными врагами», «как единственные из великих держав, не искавшие расширения своих территорий в Европе», как полагают Хардман и Прайс?⁷⁷ Мне представляется, что король видел в перспективе, скорее, не союз двух стран, явно продолжавших соперничать на почве колониальной экспансии, а образ биполярной Европы, где две великие державы, не имеющие друг к другу территориальных претензий и не стремящиеся к захватам на континенте, являются гарантом мира и стабильности.

* * *

Переписка Людовика XVI с Верженном наглядно демонстрирует, что при выработке внешнеполитического курса Франции между ними установились полное взаимопонимание и равноправные партнерские отношения. В одних случаях они по обоюдному согласию принимали решения, предложенные королем, в других — Верженном.

Письма короля и его министра иностранных дел свидетельствуют о том, что отношение правителей Франции к Великобритании неизменно оставалось двойственным. С одной стороны, они выражали недоверие к сопернику и опасались возможного нападения с его стороны. С другой, они стремились заключить с Англией «вечный мир», чтобы совместно контролировать мировой порядок. Однако следует признать, что независимо от их субъективных устремлений и оценок ситуации взятый курс на строительство флота объективно вел к дальнейшему обострению соперничества. Но проявилось это уже не при Старом порядке, которому оставалось продержаться считанные годы, а в новый период истории, когда Великобритания станет врагом номер один республиканской и наполеоновской Франции.

Взаимопонимание между королем и министром распространялось не только на общее видение международной обстановки и внешней политики Франции, но и на представления о главном сопернике, Великобритании, о ее государственном строе. Для Людовика XVI Англия, конечно же, всегда оставалась соперником, но при этом все его «англофобские» заявления носили конъюнктурный характер и пресле-

⁷⁶ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] 31 janvier 1783//Louis XVI and the comte de Vergennes. P.319.

⁷⁷ Ibid. Introduction. P.145–150.

довали вполне определенные политические цели. С точки зрения короля, Англия являлась достойным соперником, с которым следовало разделить ответственность за поддержание мирового равновесия и порядка. Французский монарх испытывал явный интерес к английской культуре, особенно литературе и истории, т.е. был отчасти не чужд характерной для своего времени англomanии. Не менее важно было и то, что Англия, как представлял ее Людовик XVI, подобно Франции, являлась государством с монархическим типом правления и отсюда следовало наличие у правителей обеих держав общих внутренних проблем и интересов.

Рассуждения Верженна свидетельствуют о том, что он в большей мере, чем король, стремился к реваншу, и характерный для него образ Англии — это, прежде всего, образ соперника. Кроме того, Англия, с точки зрения Верженна, была страной с принципиально иными государственным строем и политическими традициями, хотя министр и признавал существование в обоих государствах общих проблем. При этом Верженн готов был согласиться, что государственное устройство Англии имеет ряд преимуществ по сравнению с французским и английский опыт, хотя и с большой осторожностью, отчасти можно было бы использовать.

Таким образом, общность основных внутри- и внешнеполитических принципов, не исключала разницы в представлениях короля и его министра об их главном сопернике: король скорее склонен был видеть общее между Францией и Англией, а Верженн — то, что их разделяет. Взгляд Верженна в лаконичной форме выражается, хотя и с оговорками, названием главы из книги одного современного историка: «Франция и Англия: абсолютизм против ограниченной монархии»⁷⁸. Министр иностранных дел четко осознавал разницу между абсолютной монархией во Франции и смешанной монархией в Англии. Людовик XVI по своим взглядам оказывается ближе к той концепции, что в последние десятилетия получила распространение в английской и американской историографии и согласно которой между французской и английской монархиями не было принципиальных различий.

⁷⁸ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. Гл.4.